

УДК 811.161.1'271.2(091)

Т.Г. Михальчук (*г. Могилев, Беларусь*)

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СТЕРЕОТИПНЫХ ФОРМУЛ ПРАВОСЛАВНОГО
РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В СФЕРЕ УСТНОЙ
КОММУНИКАЦИИ И В РУССКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА**

Своеобразие системы русских обращений создается наличием трех членов – не только имени и фамилии, но еще и отчества.

В XIX веке широко употреблялись имена и отчества по отношению к близким людям (жены – к мужу; мужа – к жене). (Сейчас это сохраняется в учительской среде): – Родимый ты мой, Арефа Кузьмич! – причитала она, обнимая

мужа за ноги. – И не думала я тебя в живых видеть, солнышко ты мое красное! (Д. Мамин-Сибиряк, Охонины брови).

В художественных произведениях XIX века достаточно частотно (после сокращения имен лиц) обращение по имени-отчеству. Это уважительная официальная форма именования лица, имеющая национально-специфический характер: – Не прикажете ли вас домой проводить, *Егор Нильч*? (А. Чехов, Мaska). В рассказах А.П. Чехова отчество в обращениях, как правило, имеет стяженную форму: – Простите, *Николай Сергееч*, но я не могу далее оставаться в вашем доме (Переполюх), что передает особенности непринужденной устной речи, а в общении родственников или членов семьи указывает на нетипичные для родственников отношения (разногласия, ироничность, сердечность и т.п.).

Православный речевой этикет – специфический тип этикета, который еще мало изучен и описан специалистами по культуре речи. Но имеются работы, посвященные православному этикету (А.В. Зеленин, А.Г. Балакай, Н.И. Формановская и др.).

Рассмотрим существующие особенности форм обращения в церковном обиходе. А.В. Зеленин отмечает: “В церковном этикете существует строгая иерархия обращения к духовенству в зависимости от степеней священства. Степень *диаконовства* включает в себя *диакона*, *протодиакона*, *иеродиакона*, *архидиакона*. Степень *священства* состоит из *иерея* (= священник = пресвитер), *иеромонаха*, *игумена*, *архимандрита*. Степень *епископата* – из *епископа*, *архиепископа*, *митрополита*, *патриарха*.

При прямом обращении к диаконам возможны две формы: с упоминанием имени – *отец Николай*, *отец Сергей*, *отец Иоанн*, *отец Алексей*, то есть принята комбинация нарицательного существительного *отец* и церковнославянской формы (не русской!) имени, или только с упоминанием степени – *отец диакон*, *посоветуйте мне*. При упоминании диакона в третьем лице обычно используют модель: *отец диакон (иеродиакон, архидиакон) сказал, сообщил, позвонил* и т.д., хотя возможно использование и личного имени: *отец Андрей посоветовал*.

В отличие от степени диаконовства, при обращении к более высокому иерарху, священнику, принята несколько иная модель обращения: нарицательное существительное *отец* + *имя* (церковнославянское) + + *фамилия*, то есть используется трехчленная форма – *отец Михаил Петров*, *отец Алексей Иванов*” [1, с. 76].

В церковной иерархии, по нашему мнению, это мотивировано тем, что священники, в отличие от диаконов, обладают правом совершать таинства священства и все церковные службы: “Позвольте, *батюшка Алексей Феофилактыч*, – начала [Арина Семеновна], – просить вас осчастливить меня вашим посещением. Я еще пользовалась милостями вашего папеньки, маменьки; по доброте своей и великодушию, они никогда не брезговали посещать мою сиротскую хижину. Слух тоже, *батюшка*, и про вас идет, что вы в папеньку – негордые. – С большим удовольствием, сударыня, но меня звал *отец Николай*; чтоб мне туда не опоздать, – сказал я. – *Отец Николай, батюшка*, долго еще изволят пробыть в церкви, так как теперича простой народ

молебны будет служить, а вы по крайности тем временем чайку или кофейку у меня откушаете” (Писемский, Плотничья артель).

Употребление двучленной модели *отец Сидоров* считается оскорбительным и поэтому обычно не используется. В русской народной культуре в XIX веке обращение к священнику чаще всего содержало элемент *батюшка* (в качестве факультативного элемента – *имя* и *отчество*, особенно при близком знакомстве); (это сохранилось и в современном речевом обиходе мирян); при упоминании отсутствующего священника употребляли сочетание *отец + церковное (полное) имя*: “Намеднишь *отец Алексей*, священник, стал меня причащать да и говорит: “Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?” Но я ему ответила: “А мысленный грех, *батюшка!*” – “Ну, – говорит, а сам смеется, – это грех не великий”” (И. Тургенев, Живые мощи).

В настоящее время равноправными и традиционными формами обращения верующих людей к священникам являются *отец + церковное (полное) имя – отец Александр; батюшка – батюшка Николай*.

Национальная специфика православного обращения к духовенству состоит еще и в том, что в отличие от католичества, в православии не принято обращение к священникам словами *святой отец* (калька с латин. *pater sanctus* в европейских языках, где эта фраза является этикетной при обращении к священнику). В православии же обычно используется фраза *честные* (с ударением на второй слог) *отцы* или в вокативной функции *честный отче* (в единств. числе), *честные отцы* (где прилагательное *честный* (честной) является древней, восходящей к старославянскому языку, калькой с греч. *eusebes* “благочестивый”, *timotemos, se-botemos* “чтимый, почитаемый, уважаемый”). Сочетание *святые отцы* используется в русской православной традиции для обозначения богословов VI века, которые разработали канонические правила церкви и которые позднее были причислены к лику святых – Афанасий Великий, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Григорий Нисский [2, с. 97]. Такое же толкование дает выражению и В.В. Даль: “*Святые отцы*, или святители, толковавшие христианское (православное) ученье” [3, с. 214].

Однако в реальном речевом употреблении уже в русском языке XIX века фраза *святой отец* (*святые отцы*) использовалась также в смещенном значении – при обращении к православному священнику: “Весь круглый год *святой отец* постился, /Весь божий день он в келье провождал, /Помилюй мя” в полголоса читал, /Ел плотно, спал и всякий час молился” (А. Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде); “Продайте, говорю, *святой отец!*” (Писемский. Уже отцветшие цветки); “Как я рада, *святой отец*, что наконец вижу вас!” (А. Чехов. Княгиня); “Здоровы ли вы? – спросил отрывисто, но благосклонно настоятель. – Живу, *святой отец*, – отвечал Петр Михайлыч...” (Писемский. Тысяча душ) и др.

При этом обращение *честной отец* в языковой практике XIX века уже явно пошло на убыль, став стилистически высоким в светской (нецерковной) стилистике или, напротив, разговорно-фамильярным в просторечии: *У честных отцов не найдешь концов* (В.И. Даль).

Таким образом, в русском языке XIX века происходил процесс стилистического “снижения” выражения *честной отец* и семантической “экспансии” и расширения сочетания *святой отец*. Обращение *отец* + + *имя* на этом языковом динамичном фоне оставалось без стилистических изменений, поэтому и сохранилось до наших дней, в отличие от *честной отец* или *святой отец*.

Литература

1. Зеленин А.В. Православный этикет // Русская речь. – 2005. – № 2.
2. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб., 2000.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.